

ВЕРОНИКА
Нокс

Сын
ПРИБОЯ

Вероника Нокс

Сын прибоя

«Литнет»

2025

Нокс В.

Сын прибоя / В. Нокс — «Литнет», 2025

– Ты всё забудешь, – прошептал мне на ухо юный охотник в последнюю ночь перед моим отъездом.*** Когда мой брат-близнец исчез на Аляске, это стало апогеем кошмара. Казалось, он сошёл с ума в том городке на краю света. Но хуже всего – я подозреваю, что в его пропаже виноват тот парень. Загадочный, опасный, он пугал меня и притягивал, словно нечистая сила. Он – местный, а я – чужестранка, наша связь была неправильной и будто бы нереальной. Его образ в моих снах стал спасением от тех кошмаров, что пришлось пережить. Спустя годы мне придётся окунуться в роковые воспоминания, чтобы рассказать дочери о том, что перевернуло мою жизнь. Кто он? Где черта между реальностью и грёзами? И почему всё это случилось с нами?От автора: захватывающая любовно-драматическая история в жанре мистический реализм (не фэнтези). Не содержит откровенной эротики (18+ за бранные слова и пр.)

© Нокс В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Барроу	7
Глава 2. Малик	14
Глава 3. Дух любовного романа	21
Глава 4. Красота в сердце	27
Глава 5. Смотровая башня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Перед сном я читаю под классическую музыку. С давних пор это успокаивает и помогает спать без ночных кошмаров, вспоминать о которых не хочется. Но сегодня сон совсем не идёт.

Краем глаза вижу, как приоткрывается дверь в мою комнату. Оттуда на меня смотрит парочка зелёных любопытных глаз – моя драгоценная девочка. Ная.

– Мам... – таинственно шепчет дочка, будто за нами кто-то наблюдает. – Можно я войду?

– Конечно, – улыбаюсь. – Ты чего не спишь?

Дверь отталкивается, а за ней обнаруживается поднос с заварником, двумя кружками и тарелкой печенья в руках моего тинэйджера.

Вот это да!

Я счастлива провести время с дочкой, но чую неладное: сегодня утром она приготовила нам завтрак сама, убралась после школы в комнате без напоминаний, а теперь вот это... Точно что-то задумала.

– Мне не спится, – пожимает плечами, невинно улыбаясь.

Она ставит поднос на столик, а затем запрыгивает с ногами на мою кровать.

– Ну, – смотрю на неё лукаво. – Рассказывай.

– Что рассказывать? – недоумевает Ная, наливая в одну из кружек чай.

– Вы что-то затеяли с Клариссой?

Ная звонко смеётся, а затем передаёт мне кружку.

– Ничего такого, мам.

– Тогда почему ты весь день изображаешь послушное солнышко? – усмехаюсь.

– Да просто... – дочка прячет взгляд в одеяле. – Просто хотела сделать тебе приятное. Ты в последнее время так сильно устаёшь на работе, – хмурится.

– Спасибо, родная, – отпиваю из кружки душистого чая с травами, которые Ная умудряется находить где-то, пока они гуляют с её лучшей подружкой Клариссой.

– А раз уж нам двоим до сих пор не спится... – начинает дочь укладкой. – Я подумала... Может, ты расскажешь ту историю про исчезновение моего дяди.

– Ная... – устало закрываю глаза и вздыхаю, осознав вдруг, к чему всё это.

– Ну, пожалуйста, мам. Ты же обещала рассказать, когда я стану достаточно взрослой, чтобы не бояться по ночам ужасиков.

– Не было там никаких ужасиков, – отставив кружку, скрещиваю руки на груди.

– Были, – обиженно дует губы Ная. – Ты говорила об этом, когда мне было шесть. Помнишь, как мы с Клариссой прибежали от миссис Джеймс с криками, что моего дядю съела чучундра?

– Да, я прекрасно помню, как наша соседка подсыпала дровишек в огонь, а вы навывали и впечатлились, – выдыхаю, жвав губы и кивая, а дочка продолжает.

– В тот день миссис Джеймс сказала, что твой брат-близнец пропал при мистических обстоятельствах, – принимается тараторить она, – что вы с дедушкой уехали на Аляску и вернулись без него, и что целый год ты отказывалась говорить о Кейтоне, и это было очень подозрительно. А потом ты рассказала ей о своих кошмарных снах. Миссис Джеймс считает, что-то нехорошее стряслось с моим дядей в этом Богом забытом городке. Я спросила тебя о снах, а ты тогда сказала, что это больше похоже на страшную сказку на ночь и что мы с Клариссой перестанем спать, поэтому расскажешь нам, когда мы немного подрастём.

Закончив тираду, дочь скрещивает руки на груди и втыкает в меня обвинительный взгляд, будто я испортила всю её жизнь тем, что не рассказала страшную сказку на ночь. Всё же рановато пока ей знать. Эта история не для детей.

– И вы с Клариссой, конечно же, запомнили мои слова? – спрашиваю, лукаво улыбнувшись и стараясь скрыть свою тревогу.

– Да, мы недавно снова это обсуждали. У нас в школе доклады по криминалистике, и мы с Клариссой выбрали тему пропавших без вести, вспомнив про дядю Кейтона, – заявляет дочь. – Я даже позвонила миссис Джеймс и попросила пересказать мне всё, что она знает с твоих слов. Но она отказывается и считает, что лучше спросить у тебя.

– Милая, там нечего рассказывать, – качаю головой. – Кейтон очень сильно заболел на севере, ему было плохо и он был в апатии оттого, что мы не смогли вернуться домой вовремя. Его состояние ухудшалось. Он подрался с местными парнями, а затем пропал незадолго до нашего вылета. Его искали всем городом несколько суток, но он так и не объявился. Полиция начала расследование, которое осталось незакрытым. Вот всё, что мне известно. И тебе, кстати, тоже, – смотрю на неё с укором. – Ведь мы с бабушкой уже ни раз говорили тебе об исчезновении Кейтона.

– Да, но ты никогда не рассказывала подробности. Что вы там делали? С кем общались? Всё ведь было не просто так? Почему ему было так плохо, почему он подрался? Что за парни? А как же твои кошмарные сны? – не унимается Ная, переходя на повышенный тон.

– Вряд ли мои кошмары как-то повлияли на пропажу брата, – отвечаю ей с горькой улыбкой. – А что до миссис Джеймс и её предположений, то она довольно впечатлительная особа. Я была юной, мне было тяжело пережить утрату брата-близнеца и просто не с кем было поговорить, вот я и рассказала ей всю историю.

– А теперь расскажи мне!

– Ная, я же тебе...

– Мам, я хочу знать, как всё было от и до. Во всех подробностях. В конце концов, я член семьи – имею право! – грозно хмурится Ная, а я поджимаю губы от чувства вины перед ней. – Почему тебе снились кошмары? Почему ты молчала потом целый год? Неужели там не случилось ничего такого, о чём ты до сих пор задаёшь сама себе вопросы?

– Случилось, милая. К сожалению, случилось, – киваю, отчего у дочери буквально загораются её ярко-оливковые глаза.

Мне становится от этого не по себе. Конечно, она подросток и воспринимает всё это, как какой-нибудь интересный триллер или расследование. Она не знала моего брата Кейтона, для неё он – просто имя в семейной родословной. Это я росла с ним. Мы всё делали вместе.

От резко нахлынувших воспоминаний мурашки бегут по коже и становится зябко. Несмотря на выпитую кружку чая, уют и тепло в моей спальне рассеиваются, превращаясь в фантомные ощущения от событий многолетней давности. Я кутаюсь в одеяло получше, а затем сдаюсь:

– Хорошо, я расскажу тебе. Слушай, – начинаю я, несмотря на то, что считаю: Нае рано вато знать подробности.

Нет, всё же это совсем не детская страшная сказка.

Глава 1. Барроу

Это было семнадцать лет назад. Поездка на Дальний Север не стала для нас сюрпризом, насчёт неё мы с папой спорили целых полгода. Но то, что произошло там, не входило ни в какие планы и шокировало нашу семью до глубины души. Боюсь, мне будет сложно забыть ту весну.

Мой отец, Оливер Кэмпбелл, работал в то время геофизиком и синоптиком в международном климатическом центре Канады над набившим всем оскомину исследованием глобального потепления.

Зимой он сделал большой прорыв в своей работе, и тогда его пригласили вступить в различные научные ассоциации Канады и США, включая действующий в те годы проект Seasonal Ice Zone Observing Network или сокращенно SIZONet. Он занимался изучением состояния льдов и погодных условий на Аляске. Проект был интересен отцу тем, что партнерство объединяло не только учёных, но и сеть эскимосских наблюдателей, которые могли воочию подтвердить его прогнозные данные.

Пообщавшись по переписке с представителями SIZONet, к весне мой отец затеял командировку на Аляску. Он грезил этим давно, но никак не решался поехать. А тут вдруг объявил нам с братом-близнецом, что экспедиции быть и что мы едем на Север все вместе.

Нам с Кейтоном тогда было почти по восемнадцать лет – к концу весны мы планировали грандиозно отметить общее совершеннолетие. Кроме этого, на носу был выпускной и куча планов с друзьями из Оттавы, где мы жили и учились. Поэтому мне и Кею папина идея совсем не понравилась, но Кэмпбэлл старший настоял на своём, а заодно наплёл нам с три короба, как интересно будет в Фэрбанксе – одном из крупнейших городов Аляски.

Накануне поездки мы сильно поссорились. Нам с братом казалось, что жизнь кончена – мы пропустим всё самое интересное. Отец, в свою очередь, напридумывал себе, что, если мы с Кеем останемся одни, то за два месяца сопьемся, не сдадим выпускные экзамены, я случайно забеременею от какого-нибудь идиота и вообще мы с братом оба сойдём с ума от такой немыслимой свободы.

Конечно, спустя годы материнства, я понимаю, что папа поступал как ответственный родитель, не желая оставлять двух шальных подростков на два месяца одних в городе, не считая условный присмотр, который могла по доброте душевной оказать наша соседка миссис Джеймс. Однако в те годы папа со своим недоверием и авторитарными решениями казался нам с Кеем врагом номер один. Чтобы не быть в списке игнора до конца жизни, Оливер пообещал, что мы обязательно вернёмся в Оттаву к нашему с братом дню рождения в конце мая.

Мы прилетели в Фэрбанкс в начале апреля, когда там постепенно начала отступать зима. Plusовая температура чуть выше нуля и редкие солнечные деньки – то, каким запомнился этот город, но в нём было действительно неплохо. Начиная от Университета Аляски с Международным арктическим исследовательским центром и заканчивая местными достопримечательностями. Этот город имел вполне развитую инфраструктуру и напоминал похожие небольшие городишки в Канаде.

Мы с Кейтоном решили относиться к этой поездке как к приключению и выжать из неё максимум плюсов. А они всё же были. Отель у нас был вполне сносным. В нём было всё необходимое по системе «всё включено». Папа временно перевёл нас на удалённую учёбу, а мы находили хитрости, чтобы посещать не все лекции, сдавая только самое необходимое.

В свободное время, пока отец корпел со своими коллегами на работе, мы с братом ходили в спортзал при отеле, шатались по городу, искали интересные места и знакомились с местной молодёжью. К концу месяца у нас даже появились знакомые, которые иной раз звали позависать с ними вместе. В общем, жизнь начала казаться пусть не идеальной, но хотя бы местами занимательной.

К середине мая в Фэрбанксе достаточно потеплело, чтобы как-то улучшить наше с братом настроение. Мы вполне освоились и уже считали дни до возврата в Оттаву, пока папа не огорошил новой идеей. Он захотел слетать в самую северную точку континента, чтобы пообщаться с местным синоптиком-эскимосом о своём исследовании.

Билеты уже были куплены, отец поставил нас перед фактом. Он скрыл от нас это, потому что заранее знал, что мы откажемся, и это заводило ещё больше. «Всего на шесть дней, а потом сразу домой», – клятвенно пообещал нам Кэмпбелл старший после нашей с братом очередной оперной истерики на два голоса.

На следующий день мы отправились рейсом до Анкориджа, а там нас пересадили в небольшой самолёт, который держал двухчасовой путь в сторону аэропорта на леднике. На взлете и посадке я наблюдала за пейзажами вечной мерзлоты. Из тающей и поблескивающей на солнце коричнево-зелёной жижи между густых лесов близ Анкориджа она превратилась в просторную белую пустыню из местами подтаявшего снега и льда. Весна на край света приходила гораздо позже.

– Как ещё раз называется ледяная жопа мира, в которую мы летим? – с задором поинтересовался у папы Кейтон, пытаюсь перекричать гул двигателей в слабо изолированной кабине старого самолёта.

Брат всю дорогу всячески подшучивал, переглядываясь со мной и вызывая у меня редкие смешки. Моё настроение по случаю новой точки назначения на Дальнем Севере нельзя было назвать очень веселым, но Кей старался подбодрить, как умел.

– Уткиагвик, – громко сообщил наш отец.

– Утки... что?! – брат, скорее всего, сделал вид, что не расслышал. От этой реплики папа только нахмурился.

– Уткиагвик, – повторила за папой я, чтобы скрасить его недовольство. – Это на местном диалекте. А старое американское название Барроу. Самый северный город Аляски.

Я уже успела поинтересоваться об этом в интернете.

– Молодец, отличница Мия! – Кей легко хлопнул меня по носу пальцем. – Кстати, вариант Барроу мне больше нравится, – хмыкнул он.

Мы прилетели в полдень. На местном аэродроме не было нормального терминала, только чухлое административное здание да самолётные ангары. Мы довольно долго стояли там, замерзая на холоде со своими чемоданами.

Общественный транспорт здесь не был развит. Такси в таком маленьком городе, разумеется, тоже отсутствовало. Отец зашёл в здание аэропорта и попытался там дозвониться по спутниковому телефону до своего коллеги, чтобы выяснить, где нас встретят, но связь барахлила. Мы же с Кеем ошарашенно разглядывали окружающую обстановку в надежде, что в городе будет попроще.

– Пройти сто метров налево от аэропорта и найти кафе с вывеской «У Марио», – озвучил папа инструкцию, когда спутниковая связь наконец ожила. – Подробностей узнать не удалось, телефон снова заглохнул, – развёл он руками.

– Квест какой-то, – усмехнулся мой брат, и мы переглянулись.

По дороге подкалывали папу на разные темы об этом месте.

Сразу за площадкой аэропорта, собственно, начинался город. Здания в округе были похожи на типичную полярную станцию: соединенные прямоугольные времянки на сваях или вытянутые бараки с круглой скатной крышей. Все строения приземистые, максимум в два этажа, и до тошноты неказистые, какие-то обшарпанные. Нормальное асфальтовое покрытие заменяли обычные, укатанные мёрзлым песком просёлочные дороги, вдоль которых были натканы страшные столбы с бесчисленными проводами и магистралями труб.

Единственным положительным моментом в этой картине была безоблачная солнечная погода с полным штилем, впрочем, минусовая температура в сравнении с Фэрбанксом чув-

ствовала сразу. Мои ноги в тёплых носках и высоких кроссовках успели окоченеть, ещё пока мы стояли на аэродроме.

В мечтах об этом месте мне хотелось, чтобы город выглядел современно, как лунная космическая станция, но он скорее напоминал пародию на зимнюю версию бедных районов Мумбаи. Один этот вид навевал дремучую тоску, о чём мы сразу же зашептались с братом. Папа брёл в своих мыслях, озираясь по сторонам и быстро перестав реагировать на наши с братом приколы.

Найдя местное кафе с дружелюбным американцем за барной стойкой, мы заказали чай, чтобы согреться. Также взяли пиццу и несколько порций картошки фри. Сели в самый дальний угол. По словам папиного коллеги нужно было дожидаться здесь встречающего. Выпив горячего чая, я почувствовала себя немного лучше.

Не помню, сколько мы просидели, но еда быстро закончилась, а недопитый чай в огромных, почти литровых жестяных кружках успел остыть. Посетители заведения осматривали нас прямыми взглядами, с большим любопытством и совершенно без чувства такта, но никто не здоровался и не подходил. Их плоские лица с узкими глазами казались непривычными после более американского Фэрбанка – сложно было понять, что означает их мимика и о чём они думают.

Не выдержав такого внимания, Кей уткнулся в свой мобильник, включив на нём какую-то игрушку. В другое время он бы полез в чаты, но мобильный интернет, как и нормальная связь, здесь отсутствовали. К нашему сожалению, не было и бесплатного вайфай в кафе.

В последний раз глянув в окно с надеждой, что местный пейзаж превратится в Карибы, я достала из рюкзака книжку и начала читать. Мой брат-близнец успел заскучать настолько, что положил голову мне на плечо и принялся читать любовный роман вместе со мной, периодически беззлбно посмеиваясь над сюжетом и передразнивая реплики героев.

– Кэмпбелл! – послышалось вдруг, будто в здании раздался гром, а за этим возгласом грохнула дверь кафешки.

Все посетители обратили взгляды ко входу, а мы следом за ними. В дверях стояла высокая крупная фигура. Сначала показалось, что к нам в гости зашёл говорящий белый медведь. Только спустя секунду я сообразила, что на вошедшем мужчине была меховая одежда: угги, штаны, тулуп и шапка. Он весь был покрыт белой шерстью, а лицо было закрыто светлой повязкой, которая обнаруживала лишь глаза.

Сморгнув, я оглядела немногочисленных посетителей кафе. Те дружелюбно кивали и показывали приветственные жесты вошедшему в их спокойную обитель грозному йети – вот ненормальные. Переглянувшись с братом, мы снова уставились на встречавшее нас нечто, не сказавшее кроме нашей фамилии больше ни слова. Оно продолжало стоять на входе и сканировало пространство в поисках кого-то похожего на Кэмпбелл.

Тогда мой отец встал и направился к высокому мужчине, но мы с братом не торопились следовать его примеру.

– Если залезем под стол, он нас не заметит? – чуть громче, чем следовало пошутил Кейтон.

Я легко пихнула брата локтём, усмехнувшись, а затем встала и оглядела наши чемоданы с лужицами подтёков от талого снега и сваленную сверху папину дорожную сумку.

– Лучше бы оно помогло нам вот с этим, – прошептала я.

– Почему оно? – широко улыбнулся Кей.

Следом мы оба обернулись на оклик папы, который подзывал нас рукой. Пришлось катить чемоданы до выхода и надеяться, что йети не съест нас на ужин.

– Идём, – Кейтон закинул папину сумку на плечо, а затем без просьб забрал у меня ручку моего голубенького чемодана и покатил оба багажа между столами, нарочно задевая ножки пластмассовых стульев.

Вообще, для брата такой груз не был чем-то выдающимся. Кей играл в школьной хоккейной команде и постоянно носил эти огромные сумки с кучей хоккейного снаряжения. Пожалуй, разная комплекция – это единственное, что различало нас с близнецом. Я была по-женски миниатюрной. Но любой смотрящий со стороны сразу понимал, что мы – не просто брат и сестра, а двойняшки, рождённые в один день.

У нас обоих были каштановые волосы, одинаково острые и правильные черты лица, а также выразительные оливковые глаза. Я никогда не жаловалась на внимание со стороны противоположного пола, а мой подтянутый и высокий брат был популярен у девчонок. В последнее время его часто сравнивали с канадским актёром Амеллом из нашумевшего сериала «Стрела», и Кейтон даже стал отращивать короткую щетину, как у главного героя, чтобы лучше попадать в этот образ – дурачок.

За то время, как Кей пытался протиснуться с чемоданами к выходу, а я плелась следом, папа и мистер Белый медведь успели выйти на улицу. Мы нашли их снаружи возле огромного пикапа Шевроле старой модели.

Пока отец помогал моему брату закинуть багаж в кузов машины, я украдкой изучала нашего провожатого. Он стоял около водительской двери, глядя на горизонт за зданием кафе и делая вид, что нас не существует.

Несмотря на то, что прошло много времени, солнечный диск будто бы не хотел садиться, он просто передвинулся в сторону, и это ощущалось необычно, словно время здесь застыло и никуда не торопится. Впрочем, сейчас солнце хорошо освещало мужчину в косматом белом костюме, позволяя как следует его рассмотреть.

В общем-то, кроме оценки его внушительного роста – он был выше пикапа на больших колёсах, – смотреть из-за полярной экипировки особенно было не на что, однако меня привлекли глаза. Явно карие, но в солнечном свете они почему-то отдавали бордовыми и даже красноватыми оттенками, как бывает, когда посмотришь на свет сквозь янтарь. Разрез глаз не был похож на типично эскимосский узкий, но и не походил на овальный европейский, поэтому сложно было понять, к какой расе они принадлежат. Немного раскосые, очень красивой формы с густыми чёрными ресницами, как рисуют в сказках. Я никогда не видела таких глаз.

Почувствовав, как густой бордовый взгляд их хозяина перемещается на меня, я стремительно отвела свой, а затем засуетилась, снимая рюкзак и делая вид, что я что-то в нём ищу. Энергетика мужчины производила странное впечатление даже с расстояния: тревожила, немного страшила и одновременно завораживала, будто обездвиживала.

– В кузове пришлось немного сдвинуть в сторону ящики, но мы справились. Поехали! – окликнул папа, забираясь на переднее сиденье.

– Мия? – позвал брат, раскрыв передо мной заднюю дверь.

Не дожидаясь новых приглашений, я обежала машину и поспешила залезть на заднее. Когда брат тоже оказался внутри, я придвинулась к нему и подхватила за предплечье, уткнувшись носом в рукав его пуховика.

– Ты чего? – потрепал меня Кей по коленке. – С тобой всё нормально?

– Просто устала и хочу скорее оказаться... где-нибудь. Где-нибудь, где мы будем жить, – я вдруг поняла, что за спорами с папой о сроках поездки в Уткиагвик мы совершенно не обсудили, где остановимся.

– Куда мы едем? – спросил вдруг Кейтон, постучав по плечу севшего за руль мужчину. Видимо, подумал примерно о том же.

– Домой, – однозначно прозвучал низкий грудной голос.

Не отрывая носа от куртки брата, краем глаза я видела, как водитель снял свою пушистую шапку-ушанку и маску. Затем он сразу же завёл машину и дал по газам.

Не услышав других объяснений от нашего спутника, папа ухватился за спинку сиденья, чтобы не подсакивать на ухабах дороги, и обернулся к нам.

– Мы едем в комплекс полярной обсерватории на другом конце города, где живёт и работает мой коллега Нанук. Сегодня он примет нас, а там мы подумаем, где лучше разместиться.

Я подняла глаза на папу, украдкой глянув на профиль водителя, но было мало что понятно, поскольку я сидела посередине заднего сиденья, прижавшись к брату. Кинув взгляд в зеркало заднего вида, тут же столкнулась с карими глазами, которые в тот момент точно сканировали меня насквозь. Вздвогнув от этого пристального взгляда, я торопливо опустила голову, прислушавшись к разговору.

– Долго нам ехать? – спросил у папы Кей.

– Не знаю, может минут пятнадцать. Город не очень большой.

– Эй, как вас там? – снова обратился брат к нашему водителю. – Что здесь у вас есть хоть интересного? В смысле, в городе.

Загадочный мужчина какое-то время молчал, так что Кейтону пришлось шёптом спросить отца, хорошо ли тот понимает по-английски. Но вдруг незнакомец развернулся к нам, продолжая ехать по прямой дороге, и улыбнулся:

– Всё, что захотите.

Конечно, я не удержалась от того, чтобы посмотреть на этого человека, и к своему удивлению обнаружила лицо молодого парня. Оно сильно отличалось от местных. В нём было что-то среднее между американцем, эскимосом и индейцем. Нос прямой и широкий, но в меру, скулы по-азиатски высокие, лицо хорошо очерченное с выдающимся подбородком. Тёмные густые брови, беспорядочные локоны чёрных, как у воронова крыла, волос. И эти глаза...

Озвучив свою фразу, парень улыбался, глядя чётко на меня, а я не могла отвести от него взгляд, потому что его улыбка на фоне смуглой кожи была ровной и белоснежной, будто вместо жизни в суровых полярных условиях он каждую неделю ходил к стоматологу на отбеливание. В довершение всего на щеке от улыбки отчётливо выделялась милая ямочка.

Господи Боже!

Ощущение было странным, будто смотришь не на притягательного парня, а на красивого дикого зверя, который вот-вот набросится на тебя. Потому что чёрт знает, что там у этих зверей в голове.

Мне удалось выйти из ступора только тогда, когда парень отвернулся и взялся за руление как раз в тот момент, когда дорога начала поворачивать.

– Охренеть, – услышала я шёпот своего брата над ухом. – Ты тоже в шоке? Я думал, это какой-то матёрый охотник, а это блин мальчишка не многим старше нашего...

Подняв взгляд на него, я закивала с округлёнными глазами. Я тоже в шоке, Кей. Я тоже.

– Ты не особенно разговорчивый, да? – улыбнулся мой папа, повернувшись к нашему провожатому.

– А вы? – вернул Оливеру вопрос странный парень.

– Как тебя зовут?

– Малик, – нехотя ответил он.

– Сколько тебе лет? – спросил папа, видимо, чтобы разговорить нашего немногословного спутника.

– Это важно? – с такой же ровной интонацией ответил брюнет.

Папа лишь усмехнулся.

– Ты долго ехал к нам, Малик, – констатировал папа с небольшой укоризной в интонации.

– Выслеживал кита, – без извинений только и ответил парень, отчего мы с Кейтоном переглянулись.

– Нет, он точно убийца, говорю тебе, – как можно тише прошептал Кей мне на ухо, вызвав у меня смешок.

– А китобойный сезон разве не подходит к концу? – продолжал папа настраивать диалог.

– Подходит. Эта особь отбилась от стаи. Он стар и болен, но оказался хитрым. Я не ожидал, – ответил парень. В его простой английской речи слышался едва уловимый акцент.

– Гренландский кит?

– Да.

– Что ж, – вздохнул папа. – Будет хороший улов, если повезет.

Ничего не ответив, Малик погрузился в молчание, а мы все – вместе с ним. Может быть, папе тоже было не по себе рядом с ним?

Вскоре мы въехали на территорию, огороженную чахлым забором, будто он был здесь для галочки, а затем остановились около цепи приземистых зданий на сваях. Выглядело это так, словно вагончики обшили деревом, покрасили и соединили между собой в каком-то первом попавшемся порядке. На расчищенной от снега стоянке около зданий было припарковано ещё шесть автомобилей, а также экскаватор, значит здесь жили не один и не два человека – эта мысль успокаивала.

Заглушив двигатель, водитель вышел из своей машины, ничего не сказав. Через лобовое стекло было видно, как он с силой постучал в дверь ближайшего здания, а затем стремительной походкой ушёл куда-то вперёд, на задворки этого поселения.

– Странный парень, – хмыкнул папа, развернувшись к нам.

– И не говори, – Кей отвёл в сторону взгляд с наигранно ошарашенными глазами.

Брат помог мне выбраться из высокого пикапа, а затем разгрузил вместе с Кэмпбеллом старшим чемоданы. К этому времени из ближайшего здания вышел крепкий мужчина папиного возраста с характерной для инуита внешностью.

– Друзья мои! – он широко раскрыл руки, спускаясь с лестницы.

– Нанук! – отец сразу же повеселел.

Крепко пожав руку эскимоса, он обнял его и похлопал по спине. Кейтон ограничился строгим рукопожатием, уверенно озвучив своё имя, а я подняла руку, махнув пальчиками в знак приветствия и тихо буркнув: «Мия». Не была уверена, что суетливый и радостный Нанук меня расслышал.

– Прошу прощения, что так получилось! – заговорил он на чистом английском. – Сегодня солнечно – лучший день для измерений. Я хотел закончить работу, поэтому поручил Малику забрать вас. Но, как я вижу, и его пришлось неплохо так подождать.

– Он выслеживал кита, – хмыкнул папа.

– Не исключаю, – пространно ответил Нанук с улыбкой. – Давайте, я вам помогу, – подошёл он к Кейтону.

– Не стоит, спасибо! – отозвался брат.

– Давайте-давайте, – схватил Нанук папину сумку и потащил куда-то вперёд вдоль здания. – Вы мои гости, будьте, пожалуйста, как дома!

Забрав мой чемодан, папа энергично пошёл следом за ним, а мы с Кеем поспевали позади.

– Наконец хоть один нормальный человек, – буркнул брат на ходу, но я не ответила. – Эй, Мия, ты какая-то молчаливая? Что с тобой? – спросил он, немного погодя.

– Со мной всё в порядке! – подняла на него строгий взгляд.

– Нет, у тебя что-то с настроением, – лукаво улыбнулся Кей и схватил меня за щеку. – А ну, улыбнись. Мы взорвём это место, детка.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – отмахнулась от брата, схватившись за пострадавшую от его пальцев щеку.

– Держись, Утки... Утки-утки, – весело подмигнул мне Кей, так и не выговорив название города. – Мы идём! – и ускорил шаг.

За цепью из зданий оказалось другое, чуть более широкое и одиночное. Прямо за ним начиналась бескрайняя полярная широта. Лишь тот же чахлый забор намекал, что здание находится в границах участка и принадлежит обсерватории.

– Это мой дом, – громко пояснял на ходу Нанук, размахивая свободной рукой. – Позади вас, по центру участка, собственно, сама обсерватория. И у нас ещё есть смотровая башня чуть подальше. Во-он там! – ткнул пальцем в тундру чуть левее от своего дома. – На этой территории также есть несколько домов моих коллег, они раскиданы по разным углам. Административное здание находится в обсерватории, а за удобствами вам туда, – он показал рукой на какую-то пристройку неподалёку от дома, а затем поднялся по лестнице к своему скромному жилищу и раскрыл перед нами дверь.

– Добро пожаловать в мой дом! Добро пожаловать в Барроу! – добавил Нанук, улыбнувшись и использовав более привычное для англоговорящих людей название.

Глава 2. Малик

Мы прошли в узкую прихожую, раздевшись и оставив чемоданы там, а затем попали в более широкую комнату, которую с натяжкой можно было назвать гостиной. Эта комната была проходной. Коридор, который из прихожей вёл к ответвлению с кухней, заканчивался входом в это небольшое пространство, а рядом виднелся другой проход в такой же коридор, видимо, к жилым комнатам.

В гостиной была уютная обстановка с диваном из коричневой кожи, такими же креслами, небольшим плоским телевизором, журнальным столиком перед ним, а также большим столом из грубого дерева по центру комнаты. К этому столу прилагались грубо сбитые табуреты с кожаными пуфами сверху – смотрелось довольно аутентично.

На полу лежали маленькие разноцветные коврики с этнической вышивкой, а окрашенные в светло-серый цвет стены оттеняли фотографии с изображениями разных стран, от тропических до северных, а также шкуры разных животных. В целом, если не считать небольшую площадь, комната чем-то походила на лофт-медвежатник и из неё хотя бы не хотелось сбежать.

– Проходите, не стесняйтесь, – подбадривал хозяин дома. – Располагайтесь, где вам нравится.

Папа сел за стол, а Кейтон направился к кожаному дивану. Я же решила пройтись вдоль стен, рассматривая фотографии и занимая себя угадыванием мест, в которых были сделаны эти снимки.

– Телек работает? – спросил мой брат у Нанука, а тот усмехнулся.

– Только по праздникам, когда спутниковая тарелка соизволит уловить сигнал, – ответил он. – Но попробуй, может быть, в ясную погоду тебе повезёт.

– А вай-фай? – тут же уточнил брат.

– Интернет тоже спутниковый, мы им не злоупотребляем, так сказать, – с улыбкой ответил хозяин дома, намекая, что ежедневного выхода в сеть тут не допросишься.

– Понятненько... – со смешным выражением лица приподнял бровь Кейтон, и я знала, что он просто в восторге от этой новости. В общем, как и я.

Кей взялся за пульт и стал переключать каналы, которые в большинстве своём показывали нарушенную картинку. Нанук присел за стол к папе и начал с ним разговор.

– Бинго! – сказалул брат, когда я села рядом с ним на диван. К тому времени в телевизоре ожили звуки индийской песни, а на экране яркими пятнами мерцал клип в стиле Болливуда.

– Индию поймал, прикинь? – усмехнулся брат. – Как тебе такое, а? – подпихнул меня локтём.

– Вот это этнос! Вот это контрасты! – воскликнула я, так чтобы услышал только он.

– О, мама! – раздался голос Нанука, и мы развернулись.

У входа в комнату стояла маленькая сгорбленная женщина в серой шали. Луновидное лицо было всё в морщинах, а седые волосы были собраны на макушке, но из причёски выбивалось множество локонов, будто она только что сняла шапку. Под шалью было какое-то цветастое платье и шерстяные рейтузы с теплыми валенками.

Нанук подошёл к ней, наклонился, приобняв, и забавно потёрся со старушкой носом. А затем заговорил на своём диалекте, показывая на нас рукой, после чего сказал по-английски:

– Знакомься, это мой коллега из хаба. Его зовут Оливер. А это его дети Мия и Кейтон. Они близнецы, – затем обратился к нам. – Мою маму зовут Таала.

Тогда мы дружно поприветствовали пожилую женщину. Старушка кивнула, так ничего и не ответив, а затем двинулась в центр комнаты. Она прошла мимо стола прямо к дивану, где сидели мы с Кеем, не оказав моему отцу никаких знаков внимания.

С её приближением я невольно поднялась на ноги, потому что было бы невежливо сидеть перед старшими. Схватив брата за локоть, потянула его за собой. Из телевизора продолжала звучать индийская музыка, что почему-то придавало моменту нелепости.

Какой же маленькой и старенькой она была! На голову ниже меня, а Кейтон по сравнению с ней был просто великаном. Когда бабушка подняла на нас взгляд, в её глазах на миг отразилось удивление, но она тут же скрыла его за натянутой улыбкой.

– Таала-а, – произнесла всего одно слово скрипуче, с ударением на последнее “а” и резким движением кивнула мне.

Имя, это же её имя! Осознав это, я пискнула:

– Мия, – не знаю, была ли необходимость повторять за Нануком, но я сделала это на автомате.

Таала снова кивнула, а затем перевела взгляд на моего брата. Подняв голову вверх и слегка подавшись в сторону Кейтона, она слышимо потянула воздух, набрав полную грудь, а затем выдохнула, склонив голову на бок.

Я заметила, как от этого жеста Кей растерялся, так и не решившись ничего сказать. У меня тоже возник ступор, потому что я не знала чего ожидать и как вести себя перед пожилой эскимоской.

Повторно смерив нас обоих изучающим взглядом, бабулька вдруг замахнулась и наотмашь ударила моего брата ладонью в живот – куда дотянулась. Не сильно, но резко. Из-за этого мы оба аж подпрыгнули. А Таала, сказав что-то на языке эскимосов, развернулась и пошлёпала обратно вдоль стола.

– Госпожа Таала, – обеспокоенно окликнул её мой отец, но она лишь закивала, не обращившись, и небрежно замахала рукой в его сторону.

От этой сцены мы втроём недоумённо переглянулись, а затем уставились на Нанука.

– Не обращайтесь внимание... Это такое приветствие. Мама старой формации. И немного с прибабахом, – прошептал он, прикрывшись от неё ладонью, на что Таала на полной громкости выдала что-то на своём каркающем языке и скрылась в дверях.

Когда старушка исчезла из вида, я выдохнула, поймав себя на мысли, что последние пять минут перестала нормально дышать.

– Я ей понравился, как думаешь, м? – послышался шёпот брата, и я перевела на него скептический взгляд, а тот улыбнулся и поиграл бровями. – Она точно запала на меня, говорю тебе.

– О, да. Ты заарканил её под нелепый индийский саунд, – тихо подколола я. – Можешь собой гордиться.

– Ребята, садитесь за стол! – пригласил Нанук нас жестом. – Мама сказала, что скоро принесёт ужин.

Так что мы поспешили выполнить волю хозяина дома.

– Ваша мама понимает по-английски? – спросил его папа.

– Понимает немного, – улыбнулся Нанук. – Но говорить на нём не любит. Считает, что это язык завоевателей, его не принимают наши земли и духи.

От его ответа на какой-то момент в комнате повисла пауза. Осознав, что, возможно, он сказал что-то не то, эскимосский мужчина сразу перевёл тему, продолжив с папой разговор о науке.

Кейтон сидел рядом со мной напротив папы и Нанука и от скуки барабанил пальцами по столу, а я задавалась вопросом, куда делся Малик. Стоило мне подумать о нём, вспомнить его странный взгляд и завораживающую улыбку, как парень зашёл в комнату.

– Малик! – окликнул его Нанук с характерным выговором и ударением на “а”. – Помоги, пожалуйста, маме на кухне. Она хочет принести ужин.

Не ответив, парень коротко кивнул. Тёплой одежды на нём уже не было. Под его полярным нарядом обнаружились чёрные спортивные штаны с белыми лампасами и чёрная однотонная футболка, а вот на ногах ничего не было, он ходил по дому босым.

Прежде чем уйти, Малик хмуро посмотрел на телевизор, а затем прошёл к дивану, схватил с него пульт и выключил, погрузив комнату в тишину. Следом он стремительно покинул нас.

– Ну зачем ты, оставь! Сегодня же праздник! – усмехнулся Нанук ему в спину, а затем развернулся к моему отцу. – Мальчишка! – покачал головой.

– Это ваш сын? – с улыбкой поинтересовался папа.

– Нет, это мой младший брат.

– Младший брат? – удивился отец. – А какая у вас разница?

– Не знаю, лет пятнадцать? – неопределённо покачал головой Нанук, будто спрашивая сам себя. – У меня много старших братьев и сестёр. Многие из них уехали в Анкоридж, некоторые даже перебрались в Канаду и США. А мы с Маликом остались жить здесь, с мамой. Но мы не родные с ним.

– Я нашла его в прибое, – вдруг прозвучал скрипучий голос в дверях, и к столу подошла Таала с большим подносом, на котором было щедро уложено дымящееся рагу. – Духи передали его мне! – зыркнув на нас и со звоном поставив поднос на стол, пожилая эскимоска отправилась обратно на кухню.

– Ой, мама, ну, что ты говоришь? – усмехнулся Нанук ей вдогонку, отмахиваясь. – Его нашли местные жители и передали в общину. А уже из общины распределили на воспитание в нашу семью. Говорят, колыбелька с ребёнком действительно была найдена где-то близ берега. Видимо, кочевники подкинули его городским рыбакам, не зная, как прокормить ещё один рот, – горько улыбнулся мужчина. – Так его и назвали: слово «мáлик» на инупиаке означает «морской прибой», поэтому мама образно любит говорить, что нашла его там.

– Интересная история, – согласился папа.

– Он совсем не похож на вас... – вырвалось вдруг у меня.

– Правда? – переспросил хозяин дома, и в ту же секунду в дверях появился высокий Малик с тарелками и приборами в руках. Ему приходилось сильно пригибать голову, чтобы миновать дверной проём в этом доме с невысокими потолками.

Увидев его, я потупила взгляд.

– Ты имеешь в виду его внешность? – как назло, продолжил тему Нанук, сидевший к парню спиной, а я торопливо покачала головой из стороны в сторону и кивнула взглядом на его сводного брата.

Определив мой жест по-своему, хозяин дома обернулся к Малику.

– А мы как раз о тебе говорим, – расплылся он в улыбке, никак не помогая мне. Ёлки-иголки! Уже успела пожалеть, что отпустила этот комментарий.

– Ничего нового, – туманно пробурчал Малик, положив тарелку и приборы перед Нануком.

– Кстати, Малик – хороший охотник, – заявил тот, оглядев нас, будто этот факт способен спасти неловкий диалог.

– О-о-о... – тупо выдал мой папа. – О китах мы уже слышаны. Есть что-то ещё?

Кейтон фыркнул себе под нос. Мне же в тот момент захотелось сделать жест рука-лицо. Малик поставил тарелки для папы, а также в изголовье стола, а затем переместился ко мне и Кею.

– Все эти шкуры, – Нанук обвёл рукой пространство комнаты, – дело рук Малика.

– Что это, полярный медведь? – уточнил папа, указывая на белую шкуру пальцем, а Нанук подтвердил и стал с гордостью перечислять названия животных, которым принадлежали прочие шкуры.

– Все они были больны, – прозвучал вдруг голос парня над моей головой, а затем у меня перед носом появилась тарелка. – Я подарил им покой.

Он сказал это приглушённо, будто хотел, чтобы услышала только я. Правда, звучало это как-то жутковато. Он подарил им покой... Святые угодники! Я вжалась в свой стул, постаравшись не дёргаться, пока странный парень делает своё дело.

Когда Малик снова наклонился надо мной, чтобы аккуратно расположить приборы, я почувствовала аромат, исходивший от него. Корица? Кардамон? Какие-то пряные травы?

Быстро глянула на брата, потому что тот тёр свой нос и морщился, будто запах ему не нравился, но меня он, наоборот, привлекал. Только я не могла понять, почему. Так бывает, когда уловишь в парфюмерном запахе каких-нибудь необычных духов. Мозг отказывается понимать, из чего это сделано, но от этого недоумения ты испытываешь ещё больший кайф.

Тем временем, Малик обошёл нас с братом и быстро положил тарелку с приборами для него. Мне показалось, или около меня он задержался дольше? Уф! Меня буквально разрывало от количества странностей на квадратный сантиметр. Как только высокий парень снова скрылся в дверях, я тихо выдохнула.

– Весёленькое местечко, – с сарказмом шепнул мне на ухо брат, на что я охотно закивала.

Вскоре Таала и её приёмный сын донесли на стол прочие блюда с едой, кружки, большой заварник с душистым травяным чаем и расселись за стол. Таала выбрала место в изголовье стола со стороны Кея и поближе к Нануку, в той части, где мы все случайным образом скупковались. Малик сел за другой конец стола в отдалении от всех, заранее наложив себе еды в тарелку.

– Ну, – начал Нанук, оглядев всех, – вот оно, наше небольшое семейство на ближайшие шесть дней. Где бы вы ни были, знайте, что в моём доме вам всегда будут рады. Надеюсь, горожане окажут вам такой же тёплый приём, а поездка оставит у вас только хорошие впечатления.

– Спасибо, дружище, – отец легко похлопал своего коллегу по плечу, после чего повисла неловкая пауза.

Никто не решался притронуться к еде первым.

– Давайте уже есть, – с плохо скрываемым раздражением проговорил Кей. – Я очень проголодался.

– Отличная идея, – ответил Нанук. – Мы обычно благодарим духов за еду и просим вас поддержать наши традиции.

– А что нужно делать? – спросил мой папа.

– Нужно взяться за руки. Мы будем петь, а вам не обязательно. Просто слушайте, – предложил хозяин дома и протянул руку своей матери и Кэмпбеллу старшему. – Малик, садись поближе и спой вместе с нами.

От одного этого предложения по моему телу пошли мурашки. Представив свою ладонь в большой лапе загадочного парня, я буквально покрылась испариной.

Первым делом развернулась к брату и нервно схватила за руку его. В тот момент он нехотя обхватил морщинистые пальцы старушки, которая также нехотя протянула ему руку под настоящим взглядом Нанука.

Повернувшись в другую сторону, я вздрогнула, потому что Малик уже сидел на табурете рядом со мной. Я совсем не заметила, как этот крупный человек подобрался ко мне. «Настоящий охотник», – почему-то вспомнились слова Нанука.

Вблизи стало ясно, что передо мной вовсе не мальчишка, а молодой мужчина. Ничто не выдавало в нём возраст: ни мимические морщины, ни ранняя седина или что-то вроде этого. Просто он выглядел не на двадцать. В его бездонных глазах читался опыт.

Меня снова окутал его запах, а прямой взгляд завораживал так, что я была не в силах отвести свой. Малик, не глядя, взял руку моего папы, протянутую ему через стол, а затем предложил мне свою большую кисть.

Наши руки соединились последними. Его ладонь была сухой и горячей, обжигающей. И клянусь, я увидела, как карие глаза полыхнули в этот момент красным всполохом. Но парень тут же закрыл их, а потом запел.

Мелодия плавная и тягучая расходилась по комнате. Три голоса: старческий женский, бойкий мужской и низкий, грудной, почти звериный. Если бы львы умели петь, наверное, они бы пели, как Малик. У него получалось очень красиво, он хорошо попадал в нужные ноты и делал замысловатые переходы голосом. В какой-то момент я начала слушать только его.

Несмотря на незнакомый язык, я чувствовала песню и будто заранее знала, что в ней поётся о бескрайних арктических водах, о разных оттенках снега в любую погоду и о духах земли, воды и воздуха, что дарят ледяной пустыне жизнь. Минуту назад я боялась, что прикосновение к этому незнакомцу вызовет у меня трепет и дрожь. Но я даже не ощущала своей ладони в его, можно сказать, не ощущала себя в пространстве, погрузившись в глубокий транс от звучащей мелодии.

Когда все три голоса плавно стихли, Малик открыл глаза и выпустил мою руку, аккуратно уложив её мне на колено. Затем он встал и молча отправился на своё место, а я так и сидела с потерянным взглядом, поражённая до глубины души теми эмоциями, которые только что пережила.

«Это какая-то нечистая сила!» – говорили во мне инстинкты.

– Это очень красиво! – тишину нарушил восторженный голос моего отца. – Я впечатлён. Вы всегда это делаете? – спросил он с придыханием.

– Почти, – ответил хозяин дома. – Только за большими трапезами и общим столом. А ещё если кто-то из наших друзей или близких уходит в иной мир, то мы в этот день храним молчание, чтобы не беспокоить духов и дать им проводить душу покойного. А теперь давайте есть.

– Ты в порядке? – тихо спросил меня Кей, тронув за плечо.

– Да-да, – на автомате прошептала и взялась за вилку.

За ужином в основном разговаривали папа и Нанук. Они обсуждали последние научные новости со станции и с материка. Таала и Малик хранили молчание. Мой голодный брат ел за обе щёки мясное рагу, изредка вставляя в разговор мужчин свои шуточки, а я без особого аппетитаковыряла еду. Всё думала о том, выдержу ли сожительство с Маликом на одной территории в течение шести дней.

Он меня тревожил: его необычные повадки, немногословность и странные фразы, заволаживающий до состояния первобытного страха прямой взгляд. Густая почти что звериная, дикая аура, которая окружала его и любого, кто оказывался вблизи, сильно пугала меня, поэтому я готовилась при случае узнать про местные гостиницы.

Когда ужин закончился, Таала принялась хлопотать на кухне, но Малик на этот раз не вызвался помочь. Что-то сказав старушке на местном языке, он молча вышел из комнаты и больше не появлялся.

Выйдя из-за стола, мы с братом удивлённо пялились на дневной свет за занавесками, несмотря на то, что настенные часы показывали поздний час. Выяснилось, что с мая по август в Уткиагвике стоит полярный день, поэтому ночью в эти месяцы здесь не темнеет вовсе. Однако город жил по привычному расписанию.

Папа коротко обсудил с Нануком, где мы будем спать, а затем хозяин дома повёл нас с Кеем в комнату, которая предназначалась для нашего с ним ночлега.

Помещение, в которое мы попали через узкий коридор, выглядело очень аскетично, и это было даже слабо сказано. Помимо того, что потолок здесь был невысоким, а единственное окно – совсем небольшим, дающим слишком мало света даже во время полярного дня, в пространстве на десять квадратов было минимум мебели.

Около двери стоял небольшой платяной шкаф, сразу перед окном располагался письменный стол с простым деревянным стулом, а рядом с ними – полутороспальная кровать. Вид из окна являл собой бескрайнюю серо-белую тундру, а штор на нём не было.

Увидев свои хоромы, мы с Кеем многозначительно переглянулись.

– Мистер Нанук, – нерешительно начала я, обратив к себе взгляд мужчины-эскимоса, – а у вас случайно нет ещё одной свободной комнаты?

Нанук понимающе посмотрел на нас обоих, а затем пожал крепкими плечами:

– Извини, девочка. Это всё, что есть. Раньше в этой комнате обитал Малик, но теперь живёт отдельно. Он подрабатывает в обсерватории, поэтому изредка заходит к нам разделить еду, – сказал он, и от этих слов я выдохнула где-то в глубине души, что не придется спать с этим парнем под одной крышей. – Так что можно сказать, что вам повезло, – подытожил Нанук.

– Ага, повезло, – с саркастичной усмешкой фыркнул себе под нос Кейтон.

– А что насчет гостиниц? – поинтересовалась я. – Какие вы можете порекомендовать?

– Гостиница в городе только одна, но она закрыта на ремонт до лета после суровой зимы, – огорчил нас мужчина. – И в обсерватории у нас полная загрузка домов. Весна – хорошее время для исследований, – улыбнулся он, а затем предложил. – Если хотите, можете пойти поискать места в женском и мужском общежитиях рядом с Файер-лейн. Сейчас там живут проезжие полярники. Туристический сезон ещё не начался, так что могут быть места.

– А что там есть? – спросил Кей.

– Да... Тоже самое примерно, – развёл руками мужчина, отчего наши с братом взгляды потускнели. – Зато очень бюджетно.

– Спасибо, мы подумаем, – поблагодарила я.

Когда нас оставили наконец одних в этой небольшой скромной комнате, Кей перестал сдерживаться. Сначала он матернулся пару раз по поводу шикарной обстановки, а затем выдал, негодуя глядя на меня:

– Одна мелкая кровать. Твою ж... Они думают, нам по пять лет?!

– Боюсь, они ни о чём таком не думают, – пожала плечами я. – Папе вообще придётся спать на диване в проходной гостиной.

– Если хочешь, я завтра поищу место в мужском общежитии, – предложил вдруг брат, потрепав себя ладонью по задней стороне шеи. – Будешь хоть высыпаться.

– Нет, что ты, Кей, – поспешила его заверить. – Я ни в коем случае не хочу, чтобы мы разделялись в этом странном городе. Нам лучше держаться друг друга. К тому же, – улыбнулась я, – вспомним старые времена, когда мы отказывались расходиться по своим комнатам.

В детстве мы с братом делали вместе буквально всё: спали, ели, купались. Я думаю, что и в туалет мы бы ходили вместе, если бы няня позволила. Мы играли в одни игрушки. Он – в мои куклы, я – в его машинки и наоборот. Мечтали одинаково и просили на праздники общие подарки.

Пока мы росли, у нас были общие компании и не было секретов друг от друга. Мы советовались по поводу друзей и симпатий к противоположному полу. Всегда были заодно. Если Кей чего-то не хотел, то отказывалась и я, а он поддерживал меня в моих решениях. Мы часто ссорились, конечно, но быстро мирились.

Помнится, школьный психолог однажды сказал моему брату, что так мы оба компенсируем отсутствие умершей в родах матери и недостаток внимания отца. Он настоятельно рекомендовал проработать этот момент, чтобы нам было легче избавиться от созависимости и вступить во взрослую жизнь.

Через месяц после этого заявления в кабинете у гения психологии перегрелся и вспыхнул компьютер, уничтожив все электронные карты учащихся, а занятия в тот день отменили из-за

пожарной тревоги. В школьных новостях говорилось, что причина возгорания – электрическое замыкание. Мы с Кеем всегда отлично работали в команде.

– М и К навсегда, – я протянула брату мизинчик, вспомнив наш давний жест.

– М и К навсегда, – улыбнулся он и пожал меня за него, а затем указал на свободную стену напротив кровати. – Я всё же предлагаю что-то придумать. Думаю, около этой стены можно будет сделать мне постель.

– Ты уверен? Здесь как-то прохладно. Можно попробовать и на одной, – развела руками я.

– Ну, уж нет, – усмехнулся Кейтон. – Во-первых, нам действительно не по пять лет. С тех пор мы стали немного больше, знаешь ли, и вряд ли будем высыпаться на полуторке. Во-вторых, ты во сне пихаешься, – брат посмотрел на меня весело, а затем добавил. – И пердишь.

– Иди к чертям, – двинула его ладонью в грудь. – Будто я не знаю, как громко ты храпишь и бормочешь во сне всякие глупости, – начала передразнивать его голос. – О, Пэрис... Да, вот так. Целуй меня ниже, Пэрис...

На это брат закатил глаза.

– Ты бываешь гримзой, Мия, – воткнув в меня колкий взгляд, прищурился. – Пэрис – это удар ниже пояса. Пойду поищу что-нибудь вроде матраса или больших подушек, чтобы ты ко мне не приставала во сне.

– Ой, нужен ты мне больно. Не путай меня с Пэрис, братик, – рассмеялась я. – Иди, а я попробую соорудить тут какую-нибудь ширму.

– Это ещё зачем? – с усмешкой спросил Кей, прежде чем уйти.

– Чтобы я могла нормально переодеваться. С пяти лет у меня, знаешь ли, кое что выросло, – улыбнувшись, я пихнула его пальцем в бок.

– Чего я там не видел? – весело кинул брат, выходя.

Глава 3. Дух любовного романа

На первую «ночь» Кейтону удалось выпросить у Нанука два больших мешка с сеном, что остались от зимних заготовок, а также запасное бельё, одеяло и тоненький матрас, который он кинул поверх мешков. Я отдала ему одну из подушек с кровати.

Для ширмы мне не получилось найти ничего дельного. Кей сначала предложил использовать шкаф, но попытавшись сдвинуть его с места, понял, что эту старую рухлядь лучше оставить в покое. Вишенкой на торте в тот вечер оказалось то, что в доме не было туалетной комнаты. Дело в том, что в Уткигвике не было привычной нам канализации. Из-за вечной мерзлоты трубы для подачи воды в этом городе прокладывались в специальных утеплённых магистралях над землёй, а сточная канализация отсутствовала вовсе.

На вопрос о том, как нам с братом выполнить все необходимые перед сном моциионы, Нанук напомнил про подсобку «для удобств». Там были устроены биотуалеты и кабинки для омовений. Следом попросил не пугаться тому, что здесь всё немного не так, и рассказал, что близ университета и обсерватории любые отходы, включая человеческие, утилизировались в специальные жёлтые мешки, которые потом вывозились централизованно. Хозяин дома даже умудрился пошутить об этом, мол не стоит забираться на желтоватые, припорошенные снегом горы, иначе вас будут называть королями какашек.

В общем, всё это означало, что мыться нужно было в отдельном здании над тазиком и только с использованием специальных экологических средств, а затем эту воду вручную сливать в специально отведенное место. Поплескаться от души в таком режиме точно не получится.

Что касается посещения нужника, то в нашем распоряжении были биотуалеты, обслуживаемые общиной. И чтобы справить нужду среди «ночи», требовалось вытащить свой зад из тёплой постели, упаковать его в остывшую одежду, а затем подморозить в плохо отапливаемом пространстве с чахлым обогревателем прямо напротив толчка. Хотя бы не в темноте, полярный день же, – и на том спасибо.

Предел мечтаний.

Меня, горожанку до мозга костей, это открытие окончательно вывело из себя. Так, что я даже не решилась в первый день идти в обозначенную подсобку. Ворчала об этом, переодеваясь за раскрытой дверцей шкафа за неимением других прикрытий, и готовая улететь из «мира грязнуль» первым же кукурузником.

Кейтон, в свою очередь, выдержал первый квест по походу во все эти места с мужеством. По возвращении он рассказал мне, что там полно мух и что ему на пути даже попался таракан размером с ладонь, а затем, увидев мои расширенные от испуга глаза, улыбнулся и добавил:

– Мия, я шучу. Там, вообще-то вполне прилично. Только напор воды совсем слабый.

На следующий день мой брат проснулся с сильным насморком. Несмотря на то, что мы легли спать в домашних костюмах и носках, в комнате было не слишком тепло.

– Ничего, переживу. Это ненадолго, – бросил Кей на утро, потянув спину, как следует, и пнув мешок с сеном ногой.

Мы отправились в общую комнату, где за завтраком нас уже ожидали папа и всё странненькое семейство эскимосов в полном сборе.

– Изредка заходит, да? – шепнул мне Кей, кивая на короля звериного пения, гордо сидящего за столом.

Брат снова читал мои мысли, нам достаточно было просто переглянуться. Не сговариваясь, мы оба считали Малика крайне странным типом.

Парень сидел в дальней части стола боком, еле помещаясь на грубо сбитом табурете в узком проходе у дивана. Казалось, всё в этом доме, построенном из вагончиков, было для него слишком маленьким, будто он залез в детский кукольный домик. На нём была голубая

джинсовая рубашка с закатанными до локтей рукавами и джинсы совершенно другого оттенка, не подходящего к верху.

Маленькая сгорбленная Таала сегодня выглядела по-другому. Она сидела на том же месте во главе стола в новеньком этническом костюме, который выглядел как парадный. Её длинные седые волосы были заплетены в косы и аккуратно уложены кольцами на затылке. Широкоплечий и приземистый Нанук, в отличие от неё, надел более современные рубашку и брюки, впрочем, как и вчера.

– Ещё немного, и вам пришлось бы до обеда ходить голодными, – укоризненно заметил папа, поздоровавшись с нами. – Сказал же, подъём в девять.

– На свежем воздухе так хорошо спится, – пожалла плечами. – Я настроила будильник, – махнула рукой с электронными часами. – Теперь будем вставать вовремя.

Решила опустить подробности о том, что полночи мы с Кеем не могли уснуть из-за непривычного света и обсуждали, как не умереть в этом месте. Брат усмехнулся, снова поймав мой многозначительный взгляд. На этот раз он выбрал стул ближе к Малику, а я села между Кеем и Таалой.

Судя по заполненным едой тарелкам, семейство уже поблагодарило духов. От этой мысли я почему-то выдохнула с облегчением. Я не была готова с утра слушать эти странные песнопения и по-новой погружаться в свои переживания.

Аккуратно положила себе на тарелку хлеб с кусочком солёной рыбы и немного морской капусты, что лежали на одном из блюд посередине стола. Здесь также были подносы с вяленным на вид мясом и какими-то кореньями в подливе, но попробовать их я пока не решилась.

– Ну, так... – нарушил тишину мой брат, схватив со стола пустую кукурузную лепёшку. – Какой у нас план?

– Мы с Нануком хотим показать вам обсерваторию, а после этого он предлагает осмотреться в городе. В час дня у них собрание в районном центре. Мой коллега предлагает нам присоединиться и посетить его.

– А что происходит на этих собраниях? – поинтересовалась я у Нанука, сидящего напротив.

На этот раз смотреть на странную пожилую женщину и молодого мужчину я избегала. Папин коллега казался мне более современным и менее диким, поэтому вызывал больше доверия.

– Обсуждаются разные вопросы по городскому устройству, ну и возникающие проблемы, – ответил хозяин дома. – Иногда даже местный шериф что-то рассказывает или объявляет. В основном, это скучно, но в конце каждого собрания, есть неизменная традиция, которая вам, возможно, будет интересна.

– Какая? – спросила я с любопытством.

– Мы поём, – улыбнулся Нанук в ответ, а заметив наше с Кеем удивление, пояснил. – Это неотъемлемая часть нашей культуры. Мы даже споры между собой решаем песенными поединками.

– Ух ты! – воодушевился папа. – На это обязательно нужно посмотреть.

На этих словах я как-то неловко скривила губы, а Кейтон схватил меня за коленку под столом, мысленно соглашаясь с моим немым криком. В этот же момент Малик грохнул своей кружкой по столу, отчего все присутствующие резко обратили взгляды к нему.

Парень склонил голову, с минуту внимательно разглядывая нас с братом. Не считая его завораживающего пения, последним, что я услышала от этого человека вчера, была жутковатая фраза: «Я подарил им покой». Так что я не знала, чего от него ожидать.

Смерив нас надменным взглядом, на этот раз он выдал:

– Не любите народные традиции? – его низкий голос прозвучал будто бы с укором, отчего мы с Кеем переглянулись, ведь мы не сказали на этот счёт ни слова. Только подумали дружно.

– Нет, что вы, – поспешила заверить я.

Парень обращался ко мне напрямую впервые, и отчего-то с ним хотелось говорить на вы, хоть он был не настолько уж старше нас. Просто мне нужно было расставить границы.

– Мы очень уважаем традиции, – добавила я, помолчав. Рука моего брата сжалась у меня на коленке сильнее, за что пришлось незаметно долбануть его ступнёй под столом.

– Хорошо, – произнёс Малик, снова пронзительно заглянув мне в глаза.

В тусклом освещении комнаты цвет его радужек казался совсем не таким, как на солнце – густым, тёмно-коричневым, почти чёрным. Его присутствие продолжало нервировать. Повезло, что в итоге сводный брат Нанука не отправился с нами в обсерваторию, снова покинув дом без лишних слов.

Осмотр научного центра занял чуть больше часа. Мы посетили радиорубку, приборную, лабораторию и несколько других помещений общего назначения, познакомившись с местным персоналом.

Среди них были как эскимосы из разных групп этносов, так и американцы, и даже одна француженка. Но я так и не увидела никого, кто был бы хоть отдалённо похож на необычную внешность Малика. Он совершенно точно был метисом, вобравшим из кровей своих предков всё самое лучшее с точки зрения внешних параметров.

Раздражало, что я зачем-то продолжаю думать о загадочном парне, и я надеялась, что мы больше не столкнёмся хотя бы до вечера. Однако, когда Нанук предложил потратить оставшийся до собрания час на чаепитие в доме, Малик чудесным образом материализовался в гостиной, будто у него в голове был встроен датчик, который отвечал за «разделение еды с семьёй».

В ожидании, пока хозяйка дома принесут чай и перекус, я не знала, куда себя деть. Держалась поближе к брату. В итоге уткнулась в книгу, устроившись на скрипучем кожаном диване. Кейтон сидел рядом, бесцельно копаясь в своём мобильнике. Перед тем, как сесть за стол, он спросил, не нужно ли нам всем поблагодарить духов за воду с заваркой, едва скрыв в голосе саркастическую интонацию. Петь на этот раз никто даже не собирался, а фразу брата пропустили мимо ушей, но мне показалось, что эта шутка сильно не понравилась Таале и Малику.

За чаепитием обменялись мнениями и решили, что нам лучше не суетиться и остаться ещё на четыре ночи жить в доме у Нанука. Папе было ближе до обсерватории, для нас с братом это было меньшим из зол по сравнению с отдельным общежитием, а хозяин дома был даже очень рад этой новости, чего, скорее всего, не скажешь об остальных. Впрочем, Таала и Малик никак не прокомментировали общее решение.

Наскоро справившись со своей кружкой чая и сумбурно кинув благодарности в сторону Нанука, Кей схватил меня за руку и потащил в пристройку рядом с домом, служившую сараем. Там он показал мне старую школьную доску для письма мелом, которую заметил вчера вечером, когда забирал мешки с сеном.

– Что она здесь делает? – задала я вопрос в воздух.

– Не знаю, может, где-то в классах обсерватории раньше стояла. Сойдёт, что думаешь? – улыбнулся мне брат. – Тебе будет с ней уютнее?

– Да, просто супер! – воскликнула я. – Она достаточно высокая, тонкая и не займёт много места, а ещё можно будет что-нибудь на ней написать или нарисовать. Будет отличным дополнением нашего шикарного интерьера, – завершила, подбрасывая в руке найденный рядом мел.

Брат поймал мою смешинку, ухмыльнувшись в ответ.

– Тогда потащили.

На радостях мы быстренько смахнули с доски пыль с паутиной и понесли в дом. Пока мы разувались в коридоре, пытаясь не опрокинуть на себя свою ношу, нас окликнул папа.

– Что это вы творите? – спросил он недоумённо.

– Это для ширмы в комнату, – коротко попыталась объяснить я.

– А вы разрешения спросили?!

– Нанук?! – сразу же крикнул Кей, на что хозяин дома показался из гостиной. – Можно мы...

– Конечно-конечно, – перебил его Нанук, подняв обе руки. – Берите всё, что захотите. Мой дом – ваш дом.

На что Кейтон самодовольно улыбнулся в адрес папы, а затем потащил доску в нашу комнату. Там мы разобрали свои вещи, соорудили для школьной доски дополнительную опору из наших чемоданов и стула, а затем принялись разрисовывать, разделив мел на два куска.

Кей в виде граффити написал на доске слова любимой песни. А я нарисовала на своей стороне большое размашистое дерево. Мне казалось это символичным, потому что на равнине из снега и льда глазу очень не хватало привычных для Канады лесов.

– Ребята! – послышался из коридора голос папы. – Вы поедете с нами на городское собрание?

– Блин, – закатил глаза брат. – Ты хочешь?

– Нет, конечно, – усмехнулась я тихо.

– Па, мы останемся! Нам нужно задания по учёбе доделать! – сразу же крикнул брат, а затем подмигнул мне.

– Ладно! – послышалось, а затем хлопнула входная дверь и возня в доме стихла.

– Фуф! Хорошо, что мы наконец одни, – я грохнулась головой на свою подушку и стянула со стола книгу.

Через несколько минут моего увлечённого чтения Кейтон высунул голову из-за нашей новой ширмы.

– Что делаешь? – спросил он с любопытством.

– А ты как думаешь? – пробормотала, не обращая на него внимание и продолжая вчитываться в текст.

Через секунду в меня прилетела подушка.

– Кей! – завопила я, потому что тяжелая вещь из натурального пуха помяла страницы в книге, чуть ли не порвав их. – Займись своим делом уже! Ты вроде бы хотел грызть гранит науки, нет?!

Брат юркнул за ширму, подобрал свою подушку и грохнулся на кровать рядом со мной.

– Слышь, ты чё такая дерзкая? – приобнял меня за плечи и покачал слегка.

– Не знаю, – буркнула я. – Это место меня адски нервирует...

– Тут я с тобой согласен, – вздохнул брат. – Сегодня второй день. Можно скоротать его здесь. А там всего четыре дня потерпеть останется, – он щёлкнул меня по носу и улыбнулся. – Не вешай нос, Мия.

– Ладно, – постаралась улыбнуться в ответ. – Потом буду вспоминать это, как страшный сон.

– Кстати о страшных снах. Тебе ничего такого не снилось? – спросил вдруг Кей.

– Нет. Я вообще не помню, что снилось сегодня. А тебе?

– Да всякая белиберда, если честно. Мне кажется, этот мешок сена плохо на меня влияет, а второй мешок ему подыгрывает, и, в общем, эти ребята в сговоре... – шутливо прищурился Кейтон.

– Ещё раз повторяю, – оглядела его с беспокойством. – Ты можешь спать со мной. Мне даже будет спокойнее.

– Это не лучшая идея, – вздохнул Кей. – Но спасибо за твою заботу, – он нежно потрепал меня по плечу, а затем кивнул на книгу. – Ну, и что там? Они поцеловались наконец?

– Ой, да ладно! – ухмыльнулась я. – Не делай вид, что тебе интересно.

– А что, я вчитался, пока мы сидели в кафешке. В книге будут эротические сцены? – Кей поиграл бровями.

Я усмехнулась:

– Может быть, будут.

– Обязательно позови меня, когда дойдёшь до них, – закивал брат, маниакально расширив глаза.

– У тебя без доступа к взрослым видео мозги совсем набекрень съехали? – воткнула в Кея глумливый взгляд, отложив в сторону книгу.

– Ага, – поддержал мою подколку брат. – Тебе придётся привязать меня на ночь, а иначе я слеплю во дворе снежную бабу и... – он стал изображать неприличные движения бёдрами, лежа на кровати рядом со мной, за что я стала пихаться и после недолгой возни под наш хохот столкнула его на пол.

Послышался грохот, хоть Кей и успел сгруппироваться.

– Ауч! – отреагировал брат, сделав вид, что ему больно, но так и остался лежать внизу. – Как думаешь, эскимосы не переживут такого надругательства над священным снегом? – послышалось с пола.

– Иди на свою сторону, Кей! Ты ужасен! – рассмеялась я.

Он поднял голову над моей кроватью и принялся.

– М-м-м... Чем это пахнет? – снова потянул воздух, нахмурившись.

– Чем? – посерьёзнела я.

Может, он тоже учуял исходящий от кровати запах Малика? Ведь мы находились в его бывшей комнате. Этой ночью мне казалось, что старый матрас и подушки немного сохранили его необычный запах, но я уговаривала себя, что это всего лишь мои глюки под впечатлением от вчерашнего вечера.

– Чем-то... Хм, – этот дуралей стал тщательно обнюхивать мою простыню, как поисковый пёс. – Занудством, Мия! – выдал наконец, лукаво улыбнувшись. – И ещё немного пердежом...

Ах, он..! На эти слова я легонько долбанула брата книгой по голове.

– Вали уже! – строго сказала.

Кейтон поднялся, усмехнувшись, а затем встал спиной перед моей кроватью и принялся обнимать себя, изображая объятия молодой пары:

– О, Роксанна, любовь моя! – он произносил имя героини из моей книги, водил руками по своей спине и причмокивал. – Ты самое драгоценное, что есть у меня...

– Кейто-о-н! – не выдержала я, на этот раз звонко рассмеявшись. – Прекрати!

– Ничего не могу поделать, – сказал он, развернувшись ко мне. – Кажется, в меня вселился дух любовного романа. О, Роксанна, свет очей моих! – потянул ко мне руки.

В брата тут же полетела его подушка, а он ловко её поймал и, рассмеявшись, скрылся за ширмой.

– Придурок, – по-доброму пробурчала я.

Через ещё несколько минут мой двинутый брат начал постанывать из-за ширмы своим низким голосом, изображая бурное продолжение у героев книги.

Решив, что это никогда не кончится, пока я дуюсь и одёргиваю его, я начала поддерживать этот нелепый стэндап:

– Нет, Маури시오, нет... Я не могу, – прошептала со всхлипом.

– Роксанна, любовь моя, я сделаю это нежно... – пыхтел за ширмой Кей.

В таком духе мы продолжали, периодически ухахатываясь, пока не дошли до высоких стонов в кульминации предполагаемой сцены из книги.

В ту минуту мы совершенно однозначно вели себя, как двое сумасшедших идиотов, но в нас играло то глубочайшее разочарование и напряжение, которое довелось испытать за последний месяц. Сначала от мысли, что нам придётся расстаться с друзьями перед самым выпускным, потом от внезапной новости, что мы едем в жуткое захолустье и что нас об этом никто

даже не предупредил, и следом от факта, что несмотря на все надежды, это место оказалось именно таким. На десерт была подана странная, слегка пугающая семейка, в доме у которой придётся жить до конца недели.

Честно говоря, от всего этого хотелось сесть и зарыдать белугой, но слёзы я не любила, а Кей, по моим подозрениям, плакать и вовсе разучился лет с десяти. Так что мы оба просто нашли свой дурацкий способ спустить это дрянное напряжение.

Внезапно дверь в нашу комнату раскрылась, отчего мы оба разом умолкли. В проёме горбился Малик и рассматривал нас с каким-то диким и ошалевшим выражением лица.

Мамочки! Откуда он здесь?!

– Закрой дверь с той стороны, мы ещё не закончили! – попытался разрядить обстановку Кейтон, но парень из семьи эскимосов, кажется, юмора напрочь не понимал.

Он с минуту переводил сканирующий взгляд поочерёдно то на меня, то на Кея, лежащих в своей одежде по разные стороны комнаты, пока наконец не выдал:

– Не хотите проехаться?

Переглянуться с Кеем мы из-за ширмы не могли, поэтому я решила дождаться его ответа. Поступим так, как он решит.

Помолчав немного, мой брат бодро ответил:

– А давай!

Холодные мурашки побежали по коже, потому что в этом «а давай» не было ни грамма искренности. Сплошной вызов. Может быть, брат также, как и я, стушевался, что нас застукали за такой странной шалостью.

– Вам надо что-то закончить. Я буду ждать в машине, – коротко бросил Малик серьёзным тоном и гулко захлопнул нашу дверь.

Глава 4. Красота в сердце

Как только мы с Кейтоном снова остались одни в комнате, недоумённое молчание взорвалось нашим громким шокированным хохотом.

– А-ха-ха! Ты видела его лицо? – доносился смех Кея из-за ширмы.

– Блин, у него, похоже, случился культурный шок! – рыдала от смеха я. – А ещё, кажется, он совсем не понимает шуток...

– Да он дремучий, куда ему... – озвучил Кей, переведя дух от приступа смеха. – А, прикинь, он до сих пор не знает, что такое секс, и думал, что тут происходит убийство?

– Убийство произошло у тебя в голове, Кей! Мозги почили смертью храбрых, – продолжала смеяться я.

– О, нет, уважаемая Роксанна! – возразил брат. – Вы поддерживали все мои инициативы, а это значит, что в наших черепашках сдохли оба дуэлянта.

– Господи, я думала, что в доме никого нет, – наконец успокоившись, я перешла на более тихий голос.

– Я тоже так думал. Этот тип вообще везде внезапно появляется, – согласился Кей.

– Ага, – подтвердила я, встав с кровати и раздумывая, что мне нужно взять с собой.

Нашла в шкафу шерстяную кофту и носки потеплее. Стянув со стола косметичку, посмотрела в зеркало. Видок из-за нашей с Кеем возни и долгого хохота у меня был тот ещё: волосы растрёпаны, под глазами растёкшаяся подводка. Я взяла пару ватных тампонов и филлер и принялась поправлять макияж.

– Что ты суеишься? – выглянул Кейтон из-за ширмы со стороны стола.

– А мне, по-твоему, в обличье ведьмы в город ехать?

– По-моему, очень неплохо, – глумливо приподнял бровь Кейтон.

– На нас все и так смотрят, как на диковинных зверей. Не хватало ещё, чтоб думали, что я готка, – усмехнулась я, после чего брат отстал.

Через зеркало видела, как встал и залез в наш общий шкаф. Достал оттуда толстовку потеплее. Вообще супер тёплых вещей у нас с собой практически не было, потому что изначально мы рассчитывали на плюсовую температуру в Фэрбанксе. Спасибо папе, он всё продумал, конечно.

Оглядев своё новое лицо в зеркале, я улыбнулась, несмотря на колючие мысли, а затем, немного поразмыслив, нанесла на губы розовый блеск. Теперь точно порядок.

– Может, ну его, нахрен? – спросил вдруг Кейтон, когда я к нему развернулась.

– Кей, – вздохнула я. – Честно говоря, мне и самой не хочется опять тащиться на холод, но ты ведь сам согласился... А теперь отказываться будет не вежливо. Он ведь нас ждёт уже приличное время.

– Вежливо, невежливо... – закатил глаза брат. – А тебе не всё равно?

– Мне не всё равно. Где бы мы ни были, нужно оставаться людьми, – укоризненно глянула на него.

– Ладно, – махнул рукой Кейтон. – Пошли, моя великодушная принцесса Роксанна. После вас, – указал на дверь и поклонился до самого пола.

– Дурак, – усмехнулась, выходя.

В коридоре мы оделись в свои шапки, пуховики и утеплённые кроссовки, после чего вышли и остановились на крыльце. Было около двух часов дня. Я потянула носом свежий, слегка морозный воздух и подставила лицо солнцу. Со вчерашнего дня так и стояла ясная и безветренная погода.

– Вроде бы неплохо для прогулки, – лениво потянулся Кей, а затем помог мне спуститься со слегка обледенелой лестницы. Мы пошли по расчищенной в снегу тропинке до стоянки рядом с обсерваторией.

Малик ждал нас в машине, но двигатель завёл только после того, как увидел нас. Так что в кабине пикапа было довольно зябко. На этот раз парень изменил своему белому супер костюму и был одет в простую не очень тёплую на вид куртку. Шапки на нём вообще не было. Ну да, у него же весна. Ему тепло.

– Ну, что? Куда поедет? – бодро спросил Кей с переднего сиденья.

– Что вы хотите посмотреть? – спросил Малик.

– Мне всё равно, я за любую движуху, кроме голодовки, – брат развернулся ко мне. – А ты бы чего хотела, Мия?

– Давайте просто проедемся по городу. Пусть Малик расскажет, какие тут есть интересные здания и достопримечательности, – пожалала я плечами.

– Тут не богато, – развернулся ко мне Малик, снова внимательно оглядывая. Под его взглядом я почувствовала себя неловко.

– Простите, принцесса Роксанна, золотых замков тут нет, – пошутил со смешным выражением лица Кей, отчего я усмехнулась. Пожалуй, с братом за компанию будет полегче пережить эту поездку.

– Предлагаю так. Я провезу тебя по городу, а затем доставлю в очень красивое место, – сказал Малик, улыбнувшись одним уголком губ; он почему-то обратился исключительно ко мне, будто моего брата не было в машине. – Ты любишь красивые места, Мия?

От вопроса я стушевалась. Фразы Малика были односложными, простыми и оттого казались странноватыми. Возможно, сказывался его недостаточный уровень английского языка.

– Э-э-э... Красивые? – зачем-то переспросила. – Люблю, – ответила немного вопросительным тоном, будто сама не была уверена.

– Хорошо, – только и ответил парень, а затем отвернулся и дал по газам, резко выезжая с территории обсерватории.

Столкнувшись с красноречивым взглядом брата, я прошептала губами: «Ну, что?» Кейтон смотрел на меня грозно, будто это я виновата в том, как странно ведёт себя Малик. Это даже сложно было назвать заигрыванием. Он как будто признавал человеком из всех гостей только меня.

Миновав квартал, где располагалась обсерватория, мы выехали на широкую насыпную дорогу, которую можно было считать местным шоссе. По такой же мы ехали из аэропорта. Только в этот раз мы двигались не вдоль океана, а близ заснеженной поверхности тундры.

По дороге на глаза попались два крупных озера, а кварталы за ними были больше похожи на привычные жилые дома: квадратной формы, двухэтажные, разноцветные, – разве что все они тоже были выстроены на сваях, которые виднелись из-под подтаявших сугробов. Что-то уютное и менее похожее на промысловую зону, в особенности в солнечный день, радовало глаз и повышало настроение.

Обогнув город с другой стороны, мы доехали до центральной части, миновав колледж и местную школу с большим открытым стадионом, закрытую на ремонт гостиницу, городскую библиотеку и прочие места. У многих зданий были установлены черепа китов или замысловатые сооружения из китовой кости, вроде скульптур и арок, что намекало на традиционное занятие местных жителей и делало обстановку весьма аутентичной.

Малик в своей простой манере называл то, что мы проезжали, и тыкал в это пальцем.

– Почему ты не поехал на собрание с Нануком? – спросил Кейтон, когда мы миновали здание администрации.

Малик ответил не сразу, да и это слабо походило на ответ:

– А почему вы оба оралы, как два оленя в брачный период? – брюнет с усмешкой посмотрел на Кейтона, а тот лишь ухмыльнулся, не собираясь оправдываться.

– Второй день очень хорошая солнечная погода, – постаралась я перевести тему и спасти неловкий диалог. – Малик, а когда у вас растает снег? – немного подалась в сторону парней, сев посередине заднего сиденья.

Малик опять оглянулся всё с той же усмешкой, на этот раз адресованной мне.

– Полностью? Никогда, – на его щеках заиграли ямочки. – А долгой ясной погоде сильно не радуйся. Значит скоро будет буран, – карие глаза снова сверкнули едва уловимым красноватым всполохом, отчего я откинулась на спинку заднего сиденья.

Перевела многозначительный взгляд на брата. В его глазах читалось то же, о чём я подумала: «Очень надеюсь, что к этому времени нас уже не будет здесь».

Не задерживая взгляд на мне слишком долго, водитель отвернулся к дороге, а салон машины погрузился в тишину. В общем, начать человеческий разговор нам так и не удалось, что ещё раз доказывало, что мы не просто из разных стран, а с разных планет.

Проехав вдоль океана до окраины города, Малик показал нам нефтяные промыслы и ещё несколько озер, а затем мы выехали на узкий перешеек и медленно поехали по нему.

– Мыс Барроу, – коротко сообщил наш немногословный проводник, указав вперёд.

Тонкая полоса насыпи, на которой не было ничего, кроме разъезженной колеи, тянулась и тянулась. Мы тихо ехали по ней не меньше двадцати минут, пока не остановились в самом конце, на небольшом полуострове, размером с волейбольное поле.

Заглушив пикап, Малик выбрался из него, ничего не сказав нам, и пошёл к воде. Мы с братом снова переглянулись. В его глазах читалось нежелание покидать машину, но я, наоборот, устала трястись по насыпной дороге и хотела пройтись.

– А я хочу, – сообщила брату. Тот пожал плечами и кивнул на выход.

Я выбралась и потянула носом морской арктический воздух, вдохнув полной грудью и стараясь напитаться ощущениями от дикой природы этого места.

В отличие от Кея, которому было наплевать, куда мы летим, перед вылетом я всё-таки поинтересовалась в интернете, что из себя представляет Уткиагвик, поэтому знала, что он находится в самой северной части американского континента. Здесь соединялись воды Чукотского моря и моря Бофорта. Узкий перешеек уходил так далеко от большой земли, а вокруг было столько воды, что, казалось, мы находимся на самом краю света. В какой-то мере это было действительно так.

Я подошла к Малику и встала рядом с ним. Брат держался где-то за мной. Снова вдохнула солёный и холодный морской воздух.

Оба моря в тот ясный день были спокойны. Прибой нежно шумел, омывая небольшой участок мёрзлой коричневой земли, смешанной с песком. Здесь он был тёмным. Ветра почти не было, а вокруг царствовала умопомрачительная тишина, которая казалась очень необычной городскому жителю.

– Красиво... – прошептала я.

– Красиво, – тихо согласился Малик своим низким львиным голосом.

На секунду почему-то захотелось, чтобы он взял меня за руку. Это было странным порывом. Так спокойно было на душе в этом месте. И аура парня больше не пугала, скорее, как-то обволакивала и дарила... Покой?

– Хах, и это всё? – усмехнулся вдруг Кейтон, а мы с Маликом обернулись. – Всё, что у вас есть?

– Всё, – простодушно отозвался метис, видимо не поняв, что мой брат над ним издевается.

– Хвалёная арктическая красота... – растягивал Кей саркастически. – Ай, да водичка! – он поддел носком кроссовка мёрзлый ком земли, похожий на камень, а затем с силой пнул его в воду. – Ай, да камушек!

Малик глянул на него недобро, сдвинув брови, наконец улавливая суть. С каждой секундой в воздухе нагнеталось напряжение.

– Ёбанная дыра... – не слишком тихо фыркнул брат себе под нос, глядя на горизонт. Это вызвало у меня незамедлительную реакцию:

– Кейтон!

Одёрнув его, я перевела взгляд на Малика в надежде, что он не расслышал или не так хорошо знает английские ругательства. Тот сверлил моего брата суровым взглядом, но не принимал никаких действий.

– Ну, что ты уставился? – послышалось за моей спиной, и теперь я перевела взгляд обратно на Кейтона, который смотрел на своего оппонента также недобро.

Стало страшно, что парни сейчас подерутся. Мы находились далеко от города, окружённые ледяной водой. Если бы затеялась драка, то Кейтону пришлось бы несладко. Что-то подсказывало мне, что даже его подготовка хоккеиста не помогла бы выстоять против более крупного и опытного соперника, который жил в суровых северных условиях и охотился на диких зверей.

Но брат будто нарывался на драку. Будто только за тем и согласился поехать на прогулку. Я хорошо его знала. Он был достаточно сообразительным, чтобы с ходу понять, что никаких крутых мест и развлечений в Уткиагвике нет. А значит, он с самого начала затеял оскорбить Малика, только вот я не понимала, чем он заслужил такое свинское отношение, и начинала злиться на Кейтона.

Уже хотела было вмешаться, чтобы не произошло непоправимое, как меня опередил Малик.

– Красота находится здесь, – сказал вдруг он, хлопнув себя по груди в районе сердца. – Её больше нигде взять.

Смерив нас обоих хмурым взглядом, он ушёл в машину, громко хлопнув дверью.

– Деревенщина неотёсанная, – оклеймил его брат и пнул новый ком земли в воду.

Скрестив руки на груди и не зная, что сказать, чтобы не начать ссору прямо здесь, я просто глядела на Кея с укоризной, но он не реагировал на меня. Затем развернулась посмотреть, что там делает Малик. Он сидел за рулём какое-то время и смотрел в другую сторону, игнорируя нас. А потом вдруг завёл мотор и резко сдал задним ходом.

– Малик! – крикнула я и побежала за машиной, но парень не останавливался, пока перешеек не расширился до такой степени, что пикапу было легко на нём развернуться.

Сделав ловкий манёвр с заносом, он угнал прочь в сторону города. Я остановилась с сорванным дыханием, так и не догнав его.

– Ну, прекрасно! – кричал Кей, приближаясь ко мне спокойной походкой. – Супер просто, Мия!

– Не стоило тебе так с ним разговаривать! – толкнула брата в грудь, когда он ко мне подошёл. – В конце концов, мы на их территории. Мы здесь гости. А ты ведёшь себя по-хамски!

– Ну, извините, госпожа любезность, что на меня не действует голливудская улыбка с ямочками, – язвительно ответил Кейтон.

– При чём здесь это? – нахмурилась я.

– При том, что ты поплыла от него, Мия, – ткнул меня указательным пальцем в плечо брат. – И меня это бесит. Он чужак, понимаешь? Ещё и ненормальный по ходу. Вся их семейка с прибабахом, – повертел этим же пальцем у виска.

– Кей, я прекрасно это понимаю, – ответила, скрестив руки на груди. – И я не поплыла от него! Меня удивляет, что ты кидаешься подобными нелепыми выводами, – развернулась и торопливо пошла по колее в сторону города.

– Мия, я серьёзно! – догнал меня брат. – Поверь мне, я знаю, чего он добивается таким странным поведением. Он напустит на себя загадочности, поигнорит тебя немного для верности, следом наговорит красивых фраз, а потом оприходуется где-нибудь в одной из этих холодных подсобок.

– Ох! Да заткнись уже, Кейтон! – я остановилась и всплеснула руками от гнева, который испытывала к брату в ту секунду. – Ты правда держишь меня за идиотку?!

– Не знаю, Мия, – брат встал напротив, обеспокоенно глядя на меня. – Просто ни разу не видел, чтоб ты так реагировала на парня. Я лишь хочу тебя предостеречь.

– Ты путаешь. Это не притяжение, Кей, – приподняла брови я. – Я боюсь его, – сказала приглушённо. – Он меня пугает...

Сама же была не совсем уверена в своих словах. Чувства странные, я правда таких ещё не испытывала. Кейтон хмурился, разглядывая меня с минуту, будто тоже не верил моим словам, но затем его лицо разгладилось.

Он взял меня за руку и сцепил наши мизинцы в жесте «М и К навсегда».

– Я всегда буду рядом, Мия. И не дам тебя в обиду. Ты же знаешь?

– Я знаю, Кей, – примирительно улыбнулась брату я.

Глава 5. Смотровая башня

Чтобы добраться от мыса Барроу до обсерватории, нам с братом потребовалось почти четыре часа. Несмотря на ясную безветренную погоду и относительно небольшой минус мы очень продрогли. Кей отдал мне перчатки, потому что свои я в спешке забыла, а сам шёл, зябко вжав плечи и спрятав кисти в рукава куртки. Наша обувь быстро промокла от слегка подтаявшего на солнце снега. Ноги окоченели, носы покраснели, а ближе к дому мы аккомпанировали друг другу стуком зубов.

По дороге с мыса тут и там нам на глаза попадались всё те же черепа и кости китов, лежащие за насыпью у берега моря, что производило жутковатое ощущение, будто здесь было кладбище этих гигантов. Добравшись до черты города, пришлось спрашивать дорогу у прохожих, чтобы понять, в какой стороне находится обсерватория. Повезло, что местные жители хорошо знали Нанука и бодро реагировали на его имя, правда, объясняли как-то очень путано. Потребовалось три попытки, чтобы сопоставить показания разных горе-путеводителей.

Кейтон без остановки ругался: на отсутствующий интернет, на Малика, на всех эскимосов на Земле, на этот город в заднице мира и даже на ясную погоду, которая могла бы быть ещё чуточку яснее, в конце концов! К завершению нашей «прогулки» я узнала много изысканного трёхэтажного мата.

– Опа, вернулись! Гулёны! – воскликнул папа, когда мы завалились в гостиную, сканируя глазами что-нибудь тёплое, к чему можно было прислониться или накинуть на себя. – Садитесь за стол. Как раз скоро ужин.

– Я устал, поем позже, – сухо сказал Кейтон и ушёл в комнату, не пожелав оставаться с семейством Нанука. Известно, почему.

Впрочем, напрасно: Малика на этот раз за нашим столом тоже не было. «Дела», – коротко пояснил хозяин дома отсутствие своего сводного брата. Я извинилась за резкое поведение Кея и осталась за столом из вежливости.

Таала и Нанук по обычаю спели свою тягучую песню, которая без грудного голоса Малика казалась уже не такой завораживающей. А может, дело было не столько в песне, сколько в эффекте первого дня и энергетике юного охотника, которая странно на меня влияла.

За ужином папа пытался допрашивать меня, где мы были и что видели, а я нехотя отвечала, пока не решив, стоит ли говорить ему об инциденте на мысе. Всё-таки Кей тоже был виноват в том, что случилось, спровоцировав Малика. В итоге я вообще умолчала, что мы были в этой части города.

Затем мой отец и Нанук весело рассказали о городском собрании и о первом дне в обсерватории. Папа позвал нас с Кеем посетить смотровую башню в заснеженной тундре, сказав, что мы будем впечатлены видами, а я обещала подумать об этом наутро. Что-то подсказывало, что мы с Кейтоном будем не в лучшей форме завтра.

Зайдя в комнату, увидела брата на своей кровати с мобильником в руках.

– Ты ж не против? – спросил он, поймав мой взгляд. – На мешках долго лежать не очень-то уютно...

– Я тебе уже говорила, Кей, – я поставила на стол тарелку с остывшим ужином, которую собрала для брата. – Поешь.

– Не хочу, аппетита нет, – нахмурился Кейтон, продолжая глядеть в телефон, а я вздохнула.

– Мы же даже не пообедали толком. Если не поешь нормально, то заболеешь.

– Спасибо. Может, позже, – кивнул брат, а я легла к нему и положила голову на его плечо.

– Что делаешь? – поинтересовалась.

– Пишу текст песни.

– На мобильнике? – приподняла брови.

– Ну да, чтобы бумагу не потерять, – пожал плечами Кей.

– О чём она?

– О любви, конечно. О, моя Роксанна, – усмехнулся брат, а я вернула ему смешок.

– Не знала, что ты пишешь. Ты не говорил, – пихнула его пальцем в бок. – У тебя секреты от меня, братик?

– Недавно начал. Не особенно выходило, а сейчас вдруг вдохновение снизошло, – повернулся ко мне брат с улыбкой.

– Ну, хоть какие-то плюсы лишений, – улынулась я и замолкла ненадолго.

Глаза слипались от усталости, тело ныло после холода и долгой ходьбы. Хотелось уснуть на плече у брата, а на завтра проснуться дома, в своей уютной большой постели, принять долгий душ и выпить на завтрак кофе из кофемашины... Мечты. Когда лишаешься многого, они становятся совсем не масштабными.

– Папа завтра предложил сходить на смотровую башню. Ты пойдёшь? – спросила брата, зевнув.

– Может быть, – без интереса ответил. – А ты?

– Я хочу.

– Хорошо, – согласился брат.

– Кей, – посерьёзнела я, вспомнив про один важный вопрос. – Наверное, нужно рассказать папе, как поступил с нами Малик.

– Как хочешь, – пресно пожал плечами Кейтон.

– Что значит, как хочу? – нахмурилась я. – Мы должны сойтись во мнении, иначе не работает.

– Я не крыса и жаловаться на него не буду, – воткнул в меня грозный взгляд Кей. – Ещё раз так сделает, я двину ему по наглой роже. Вот и всё.

– Господи, какой же ты... – взмахнула рукой, не договорив.

Брат скривил в мой адрес рожицу, после чего встал с моей постели и ушёл за ширму на своё жалкое лежбище. Сено шуршало, пока он пытался найти удобную позу, а я злилась, что Кейтон продолжает вести себя, как неотёсанный мальчишка.

В конце концов, мы не в своём дворе, чтобы придерживаться кодекса чести. Малик оставил нас одних в незнакомом месте, на холоде. С нами могло произойти, что угодно, и это было бы на его совести. От того, чтобы рассказать папе, меня останавливала лишь одна мысль: не усугубит ли это ситуацию. Я не знала, чего ожидать от этого непредсказуемого парня, и последнее, чего бы я хотела, это стать его врагом.

Глаза продолжали слипаться от адской усталости. Было лениво даже встать, чтобы переодеться, поэтому я укрылась одеялом в чём была – всё равно ночью будет прохладно. Пока раздумывала, как поступить, сама не заметила, как уснула.

Мне снился захватывающий сон. Я парила над водами арктического моря и над бескрайними снежными землями, совсем не чувствуя холода. На душе было тепло и светло, как тогда, на мысе Барроу, когда мне на миг показалось, что я где-то в лучшем месте. Я что, расту? Смеялась про себя, осознавая, что сплю.

Когда мой полёт завершился, я оказалась в маленькой комнате в доме Нанука. Вместо тесной постели лежала в своей двухспалке с любимым постельным бельём. Но вокруг всё равно пахло тем самым пряным запахом корицы и кардамона, который исходил от кровати Малика. Я нежилась в мягких подушках, прикрыв глаза от удовольствия, и вдруг заметила нечто большое и белое.

Краем глаза, буквально на секунду уловила очертания огромного арктического волка, сидящего перед моей кроватью. Я совсем не испугалась, потому что он был спокоен, как ручной пёс. Животное широко зевнуло, прижав уши, а затем облизнулось и высунуло язык, часто дыша. Но стоило мне откинуть одеяло и сфокусироваться на белой пушистой фигуре, как волк исчез, блеснув красными точками радужек, как бывает, когда посветишь на какое-нибудь дикое животное фонарём в темноте.

Проснувшись, я отчётливо помнила весь сон, а мимолётный образ волка будто бы отпечатался в памяти. Удивительно! Мне давно не снилось таких красочных снов, в особенности, когда спишь и осознаёшь, что всё это – грёзы. Говорят, на свежем воздухе сны всегда яркие.

Привстав, я глянула на наручные часы, которые показывали восемь утра. Шмыгнула носом – тот был немного забит после сна. Затем перевела взгляд на солнце за окном, которое больше напоминало полдень, и вздохнула, решив, что к следующей ночи обязательно нужно придумать, чем закрыть окно.

Тарелка с ужином брата так и осталась стоять на моей части стола почти нетронутой, разве что с неё исчез толстый кусок хлеба.

– Кей... – позвала я в тишине комнаты. – Ке-ей!

Брат всё ещё дрых, а пора было вставать, чтобы успеть к завтраку, поэтому, не желая выбираться из тёплой постели, я скомкала шерстяную кофту, что лежала со мной рядом, а затем швырнула через ширму в его сторону.

– Кей! – сказала громче.

Брат не ответил, но через пару секунд шерстяной снаряд вернулся и ударился в стену у изножья моей кровати.

– Убей меня... – наигранным голосом прохрипел Кейтон из-за перегородки, но больные нотки в нём всё же ощущались.

– Звучишь не очень, – прокомментировала я.

– Я и дышу не очень и даже лежу не очень, – жаловался брат гнусавым голосом. – Ощущение, что в голову жидкого свинца залили, а потом он стёк через горло в грудь и застыл.

На этот раз я встала с кровати и обошла ширму. Кей лежал на спине раскрытым, схватившись за голову. Его ноги слегка свисали с мешков и коротковатого для его роста матраса. Я приложила руку к его лбу и ощутила, какой он раскалённый.

– Тридцать восемь, не меньше, – выдала я вердикт.

– Это я так постарел за ночь? – пошутил брат, приоткрыв один глаз и уставившись на меня.

– Ты всё равно очень хорош собой, не переживай, – улыбнулась я.

– Фуф! А то я уж испугался, что старушка Таала во мне разочаруется...

– Дуралей, – я двинула брата по плечу. – Тебе стоило нормально поесть, – сказала ему строго. – Без завтрака я тебя никуда не выпущу.

– Честно говоря, я не особенно куда-то планировал идти, – уставился на меня Кейтон. – Мне бы отлежаться.

Я вздохнула. Хоть и не хотелось проводить время без брата, в его словах был здравый смысл.

– Хорошо. Я принесу тебе завтрак в постель.

Мы позавтракали с папой, Нануком и Таалой. Я снова извинилась за отсутствие Кея, объяснив, что он приболел. Малика в нашей компании тоже не было, поэтому всё прошло спокойно. Папа даже попытался спеть вместе с эскимосами, что всех развеселило, потому что он не попадал в нужные ноты и интонации.

Пока было сложно привыкнуть к местной пище: специфические маринады, какие-то новые вкусы специй, рыба и вяленое китовое мясо. Я выбрала нам с братом что-то более похожее на привычную еду. Потом спросила, нет ли у Таалы курицы, чтобы приготовить куриный бульон.

Ничего такого в доме не было. Нанук объяснил это тем, что местные предпочитают промысловые продукты и редко ходят в супермаркет, потому что это выходит дороговато, но обещал заехать в магазин и купить заморозку специально для нас.

Выйдя из-за стола, они с папой засобирались на смотровую башню, а я осталась, чтобы отнести Кею завтрак и проследить, что он его съест.

– Я приду к вам позже, – сказала отцу.

– Ты разберёшься, как дойти?

– Пап, выключи гипер опеку. Башню видно из нашего окна невооружённым взглядом. Обещаю, по дороге я не стану заходить в бар, чтобы пропустить стакан бренди, – пошутила, а папа пощекотал меня в отместку.

Когда я вошла в комнату, Кей дремал. Пришлось будить его. Я принесла ему горячий чай и тарелку с едой и заявила, что буду стоять у него над душой, пока он всё не доест, а брат всячески пытался отшучиваться, давясь гарниром из какой-то необычной на вкус, но всё же более менее съедобной крупы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.